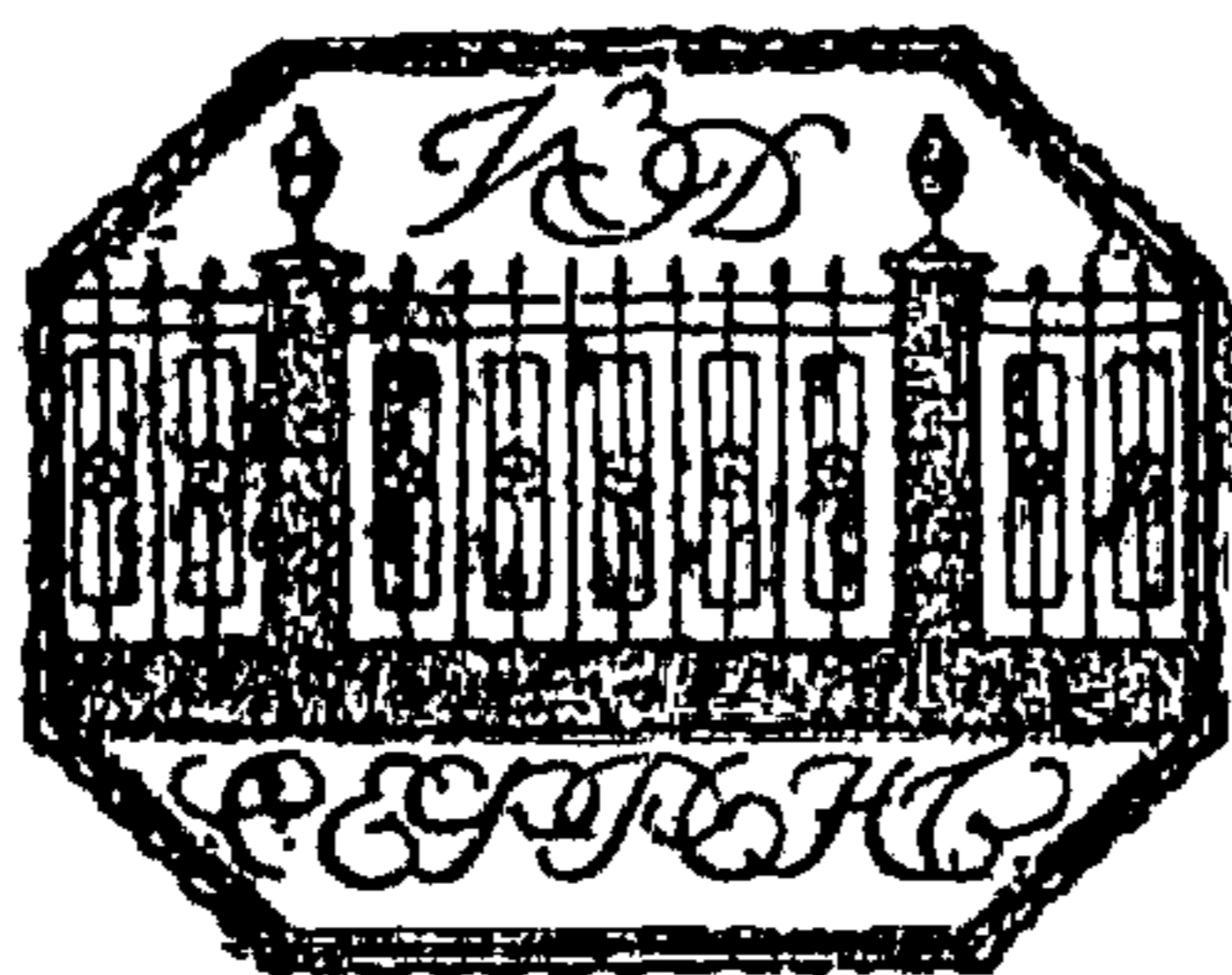

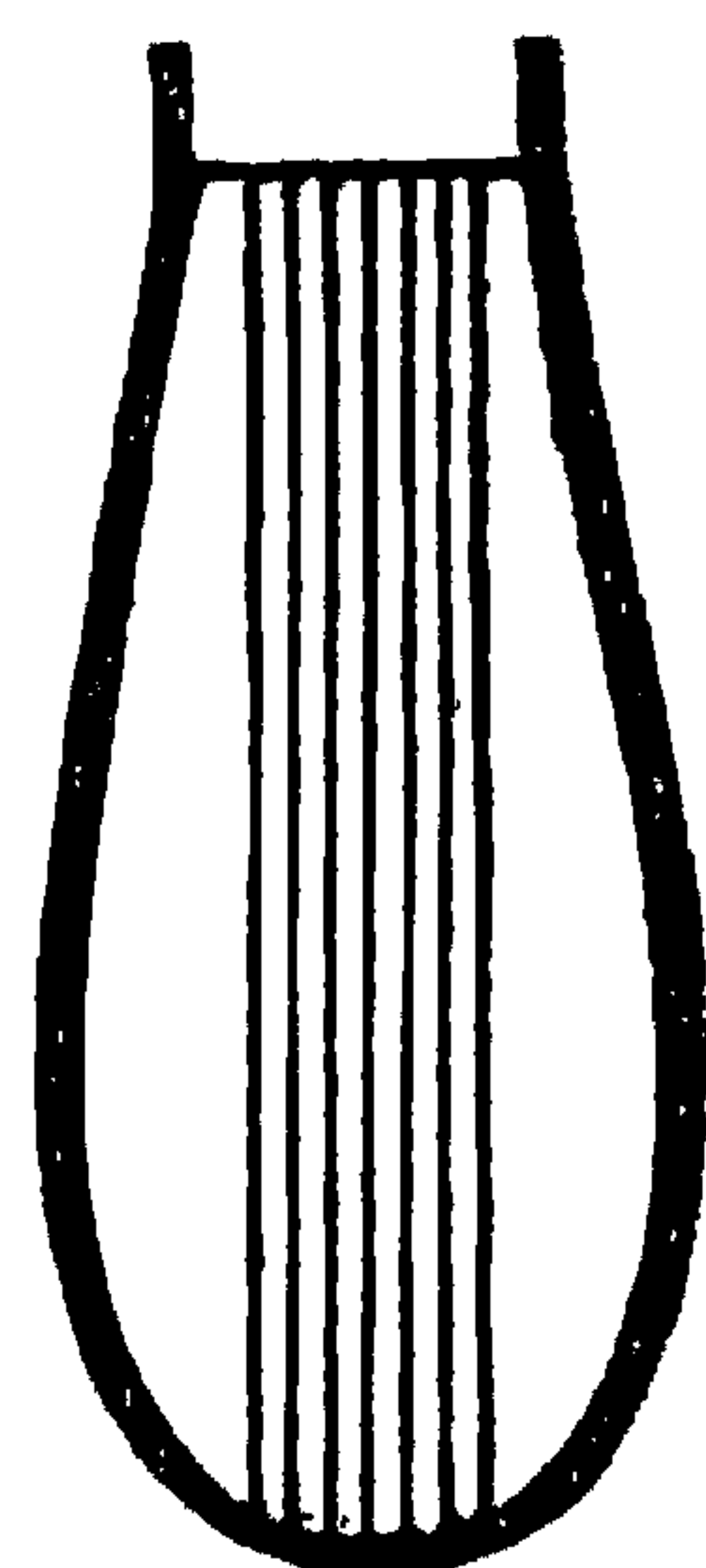
ЦЕХЪ ПОЭТОВЪ

II-III

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

Типографія Максъ Маттиссонъ
Берлинь, Риттерштрассе 71

**ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ**

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

1.

Гдѣ ты теперь? За утесами плещетъ море,
По заливамъ льдины плывутъ,
И проходятъ суда съ трехцвѣтнымъ
широкимъ флагомъ.
На шестомъ этажѣ, у дрожащаго телефона,
Человѣкъ говоритъ: „Марія! Я васъ любилъ“.
Пролетаютъ кареты. Автомобили
За ними гудятъ. Зажигаются фонари.
Продрогшая дѣвочка бьется продать спички.
Гдѣ ты теперь? На стотысячезвѣздномъ небѣ
Милліономъ лучей блѣдетъ млечный путь,
И далеко, у глухогудящихъ сосенъ, луною
Озаряемая, въ лѣсу, вѣка и вѣка
Угрюмо шумитъ Ніагара.
Гдѣ ты теперь? Иль мой голосъ уже,
быть можетъ,
Безъ надеждъ надъ землей и отвѣта
летѣть обреченъ,
И остались въ мірѣ лишь волны,
Дробь звонковъ, корабли, фонари, нищета,
луна, водопады?

Андрею Цурь-Милену

За миллионы долгихъ лѣтъ
Намъ не утѣшиться... И нашъ корабль,
быть можетъ,
Плывя межъ ледяныхъ планетъ
Причалить къ берегу, гдѣ трудный вѣкъ
былъ прожить.

Намъ голосъ прозвучить съ кормы:
„Здѣсь адъ былъ нѣкогда, — онъ вамъ
казался раемъ“

И, слясь улынуться, мы
Мечеть лазурную и Лѣтній садъ узнаемъ.

Помедли же! О, какъ дышать
Легко у взморья намъ и у поникшей суши.
Но дрогнетъ парусъ, и опять
Поднимутся хранить воспоминанья души.

По широкимъ мостамъ... Но вѣдь мы
 все равно не успѣемъ,
Эта вьюга мѣшаетъ, вѣдь мы заблудились
 въ пути,
По безлюднымъ мостамъ, по широкимъ
 и чернымъ аллеямъ
Добѣжать хотъ къ разсвѣту, и остановить,
 и спасти.

Просыпаясь, дымитъ и вздыхаетъ тревожно
 столица,
Рестораны распахнуты, стынетъ дыханье
 въ груди,
Отчего намъ такъ страшно? Иль, можетъ быть,
 все это снится,
Ничего нѣтъ въ прошедшемъ и нѣтъ ничего
 впереди?

Море близко. Свѣтаеть. Шаги уже мѣряють
гдѣ-то,
Но какъ скошены ноги, я больше бѣжать
не могу
О, еще-бѣ хотъ минуту !.. И щелкнуль
курокъ пистолета.
Все погнбло, все кончено... Видишь ты,
кровь на снѣгу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце.
Ни слова.
Тридцать градусовъ холода. Тускло сіяетъ
гранитъ.
И подъ чернымъ вуалемъ у гроба стоитъ
Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядитъ.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ПЕРСТЕНЬ

Уронила дѣвушка перстень
Въ колодець, въ колодець ночной,
Простираетъ легкіе персты
Къ холодной водѣ ключевой.

— Возврати мой перстень, колодець,
Въ немъ красный цейлонскій рубинъ,
Что съ нимъ станетъ дѣлать народець
Тритоновъ и мокрыхъ ундинъ? —

Въ глубинѣ вода потемнѣла,
Послышался ропоть и гамъ:
— Теплотою живого тѣла
Твой перстень понравился намъ. —

— Мой женихъ изнемогъ отъ муки
И будетъ онъ въ водную гладь
Погружать горячія руки,
Горячія слезы ронять. —

Надъ водой показались рожи
Тритоновъ и мокрыхъ ундиныхъ.
— Съ человѣческой кровью схожій,
Понравился намъ твой рубинъ. —

— Мой женихъ, онъ живетъ съ молитвой,
Съ молитвой одной о любви
Попрошу и стальною бритвой
Откроетъ онъ вены свои. —

— Перстень твой навѣрно цѣлебный,
Что ты молишь его съ тоской,
Выкупаешь такой волшебной
Цѣной, любовью мужской? —

— Просто золото краше тѣла,
А рубины краснѣй, чѣмъ кровь,
И доселѣ я не умѣла
Понять, что такое любовь.

ДѢВА - ПТИЦА

Пастухъ веселый
По утру рано
Выгналъ коровъ въ тѣнистые доли
Броселіаны.
Паслись коровы,
И пѣсню своихъ веселій
На тростниковой
Игралъ онъ свирѣли,
И вдругъ за вѣтвями
Онъ слышитъ голосъ, какъ будто не птичій,
И видитъ птицу, какъ пламя,
Съ головкой милой, дѣвичьей.
Прерывно пѣнье,
Такъ плачетъ во снѣ младенецъ,
Въ черныхъ глазахъ томленье,
Какъ у восточныхъ плѣнницъ.
Пастухъ дивится
И смотритъ зорко:
Такая красивая птица,
А стонетъ такъ горько,

Ея отвѣту
Онъ внемлетъ, смущенный:
— Мнѣ подобныхъ нѣту
На землѣ зеленой.
— Хоть мальчикъ-птица,
Исполненный дивныхъ желаній,
И долженъ родиться
Въ Броселіанѣ,
Но злая
Судьба намъ не дастъ наслажденья;
Подумай, пастухъ, должна я
Умереть до его рожденья.
— И вотъ, мнѣ не любви,
Ни солнце, ни мѣсяцъ высокій,
Никому не нужны мои губы
И длинныя, блѣдныя щеки.
— Но всего мнѣ жальче,
Хоть и всего дороже,
Что птица-мальчикъ
Будетъ печальнымъ тоже.
— Онъ станетъ порхать по лугу,
Садиться на вязы эти
И звать подругу,
Которой ужъ нѣтъ на свѣтѣ.
— Пастухъ, ты навѣрно грубый,
Ну что-жъ я терпѣть умѣю,
Подойди, поцѣлуй мои губы
И хрупкую шею.

— Ты юнъ, захочешъ жениться
И у тебя будутъ дѣти,
И память о дѣвѣ-птицѣ
Долетитъ до иныхъ столѣтій. —
Пастухъ вдыхаетъ запахъ
Кожи, солнцемъ нагрѣтой,
Слышитъ, на птичьихъ лапахъ
Звенятъ золотыя браслеты.
Вотъ уже онъ въ изступленьи.
Что дѣлаетъ, самъ не знаетъ,
Загорѣлая его колѣни
Красныя перья раздрааютъ.
Разъ одинъ застонала птица,
Только разъ застонала
И въ груди ея сердце биться
Вдругъ перестало.
Она не воскреснетъ,
Глаза помутнѣли,
И грустныя пѣсни
Надъ нею играетъ пастухъ на свирѣли.
Съ вечерней прохладой
Встаютъ сѣдые туманы
И гонитъ онъ къ дому стадо
Изъ Броселіаны.

На далекой звѣздѣ Венерѣ
Солнце пламеннѣй и золотистѣй,
На Венерѣ, ахъ, на Венерѣ
У деревьевъ синіе листья.

Всюду вольныя звонкія воды,
Рѣки, гейзеры, водопады
Распѣваютъ въ полдень пѣснь свободы,
Ночью пламенѣютъ, какъ лампы.

На Венерѣ, ахъ, на Венерѣ,
Нѣту словъ обидныхъ или властныхъ,
Говорятъ ангелы на Венерѣ
Языкомъ изъ однихъ только гласныхъ.

Если скажутъ еа и аи
Это радостное общанье,
Уо, ао — о древнемъ раѣ
Золотое воспоминанье.

На Венерѣ, ахъ, на Венерѣ,
Нѣту смерти терпкой и душной,
Если умирають на Венерѣ,
Превращаются въ парь воздушный.

И блуждаютъ золотые дымы
Въ синихъ, синихъ вечернихъ куцахъ,
Иль какъ радостные пилигримы
Навѣщаютъ еще живущихъ.

Юль 21 г.

Я самъ надъ собой насмѣялся
И самъ я себя обмануль,
Когда могъ подумать, что въ мірѣ
Есть что-нибудь кромѣ тебя.

Лишь бѣлая въ бѣлой одеждѣ,
Какъ въ пеплумѣ древнихъ богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
Въ прозрачныхъ и тонкихъ перстахъ.

А всѣ океаны, всѣ горы,
Архангелы, люди, цвѣты
Они въ хрусталѣ отразились
Прозрачныхъ дѣвическихъ глазъ.

Какъ странно подумать, что въ мірѣ
Есть что нибудь кромѣ тебя,
Что самъ я не только ночная
Безсонная пѣснь о тебѣ.

Но свѣтъ у тебя за плечами,
Такой ослѣпительный свѣтъ,
Тамъ длинныя пламени рѣютъ,
Какъ два золотыя крыла.

Августъ 21 г.

Мнѣ странно сочетанье словъ — „я самъ“,
Есть внѣшній, есть и внутренній Адамъ.
Стихи слагая о любви нездѣшной,
За женщиной ухаживаетъ внѣшній,
А внутренній, какъ врагъ, слѣдитъ за нимъ,
Унылой злобою всегда томимъ.
И если внѣшній хитрыми рѣчами,
Улыбкой нѣжной, страстными глазами
Сумѣетъ женщину приворожить,
То внутренній кричитъ : „тому не быть !
Не знаешь развѣ ты, какъ небо сине,
Какъ веселы широкія пустыни,
И что другая, дивно полюбя,
На ангельскихъ тропинкахъ ждетъ тебя“.
Но если внѣшняго напрасны рѣчи
И женщина съ нимъ избѣгаетъ встрѣчи,
Не хочетъ ни стиховъ его, ни глазъ,
Въ безумьи внутренній : „вѣдь въ первый разъ
Мы повстрѣчали ту, что насъ обоихъ
Въ небесныхъ упокоила-бъ покояхъ.
Ахъ, ты ворона !“ Такъ среди равнинъ
Бредутъ, бранясь, Пьеро и Арлекинъ.

ЗВѢЗДНЫЙ УЖАСЪ

Это было золотою ночью,
Золотою ночью, но безлунной:
Онъ бѣжалъ, бѣжалъ черезъ равнину,
На колѣни падалъ, поднимался,
Какъ подстрѣленный метался заяцъ,
И горячія струились слезы
По щекамъ, морщинами изрытымъ,
По козлиной старческой бородкѣ.
А за нимъ его бѣжали дѣти,
А за нимъ его бѣжали внуки
И въ шатрѣ изъ небѣленой ткани
Брошенная правнучка визжала.

— Воротись — ему кричали дѣти
И ладони складывали внуки —
Ничего дурного не случилось,
Овцы не наѣлись молочая,
Дождь огня священнаго не залилъ,
Ни косматый левъ, ни зендъ жестокій
Къ нашему шатру не подходили. —

Черная во мглѣ чернѣла круча,
Старый кручи въ темнотѣ не видѣлъ,
Рухнулъ такъ, что затрещали кости,
Такъ что чуть души себѣ не вышибъ;
И тогда еще ползти пытался,
Но его уже схватили дѣти,
За полы придерживали внуки
И такое онъ имъ молвилъ слово:

— Горе, горе! Страхъ, петля и яма
Для того, кто на землѣ родился,
Потому что столькими очами
На него взираетъ съ неба черный
И его высматриваетъ тайны!
Этой ночью я заснулъ, какъ должно,
Обвернувшись шкурой, носомъ въ землю,
Снилась мнѣ хорошая корова
Съ выменемъ отвисшимъ и раздутымъ,
Подъ нее подползъ я, поживиться
Молокомъ парнымъ, какъ ужъ, я думалъ,
Только вдругъ она меня лягнула,
Я перевернулся и проснулся.
Хорошо еще, что мнѣ вонючка
Правый глазъ поганимъ сокомъ выжгла,
А не то, гляди я въ оба глаза,
Мертвымъ бы остался я на мѣстѣ.
Горе, горе! Страхъ, петля и яма
Для того, кто на землѣ родился! —

Дѣти взоры опустили въ землю,
Внуки лица спрятали локтями,
Молчаливо ждали всѣ, что скажетъ
Старшій сынъ съ сѣдою бородою,
И такое вымолвилъ онъ слово.

— Съ той поры, какъ я живу, со мною
Ничего дурного не бывало,
И мое выстукиваетъ сердце,
Что и впредь дурного мнѣ не будетъ.
Посмотрѣть обоими глазами
На того, кто бродить тамъ, хочу я. —
Такъ сказалъ, и сразу легъ на землю
Не ничкомъ, а навзничь легъ на землю,
Всѣ стояли, затаивъ дыханье,
Слушали и ждали очень долго;
Вотъ старикъ спросилъ, дрожа отъ страха:
— Что ты видишь? — Но отвѣта не далъ
Сынъ его съ сѣдою бородою,
И когда надъ нимъ нагнулись братья,
То увидѣли, что онъ не дышитъ,
И лицо его, темнѣе мѣди,
Исковеркано руками смерти.

Ухъ, какъ женщины заголосили,
Какъ заплакали, завыли дѣти,
Старый бороденку дергалъ, хрипло
Страшныя проклятья выкликая.

На ноги вскочили восемь братьевъ,
Крѣпкихъ мужей, ухватили луки,
— Выстрѣлимъ — они сказали — въ небо
И того, кто бродитъ тамъ, подстрѣлимъ,
Что намъ это за напасть такая? —
Но вдова умершаго вскричала:
Мнѣ отмщенье, а не вамъ отмщенье,
Я хочу лицо его увидѣть,
Горло перервать ему зубами
И ногтями выцарапать очи. —
Крикнула и брякнулась на землю,
Но глаза зажмурила и долго
Про себя шептала заклинанья,
Грудь рвала себѣ, кусала пальцы.
Наконецъ взглянула, усмѣхнулась
И закуковала, какъ кукушка:
— Линь, зачѣмъ ты къ озеру? Линойя,
Хороша печенка антилопы?
Дѣти, дайте глины, у кувшина
Выбить бокъ. Отецъ, иди скорѣе,
Видишь, зенды съ вѣтками омелы
Тростниковыя корзины тащутъ,
Торговать они идутъ, не биться. —

Старый, успокаиваясь, началъ
Щупать шишки на своихъ колѣняхъ,
Дѣти луки опустили, внуки
Осмѣлѣли, даже улыгнулись.

Но когда лежавшая вскочила
На ноги, то всѣ позеленѣли,
Всѣ вспотѣли даже отъ испуга,
Черная, но съ бѣлыми глазами
Яростно она металась, воя:
— Горе, горе! Страхъ, петля и яма!
Гдѣ я? Что со мною? Красный лебедь
Гонится за мной... У скорпіона
Хвостъ грозитъ... Уйдите, звѣри, звѣри...
Ракъ не тронь... Бѣгу отъ козерога...
И когда она все съ тѣмъ же воемъ,
Съ воемъ обезумѣвшей собаки,
По скаламъ пустилась прямо къ безднѣ,
Ей никто не побѣждалъ вдогонку.

Смутные назадъ вернулись люди,
Сѣли вокругъ на камни и боялись,
Время шло къ полуночи, гіена
Ухнула и сразу замолчала.
И сказали люди: — Тотъ, кто въ небѣ,
Богъ иль звѣрь, онъ вѣрно хочетъ жертвы,
Надо принести ему телицу
Непорочную, отроковицу,
На которую досель мужчина
Не взиралъ ни разу съ вождедѣннемъ.
Умеръ Гаръ, сошла съ ума Гарайя,
Дочери ихъ только восемь весень,
Можетъ-быть она и пригодится. —

— Посмотри еще! — И снова Гарра
Долго, долго на небо смотрѣла.
— Нѣтъ — сказала — это не цвѣточки,
Это просто золотые пальцы
И показываютъ на равнину
И на море и на горы зендовъ,
И показываютъ, что случилось,
Что случается и что случится.
Люди слушали и удивлялись:
Такъ не то что дѣти, такъ мужчины
Говорить доселѣ не умѣли.
А у Гарры пламенѣли щеки,
Искрились глаза, алѣли губы
И она запѣла вдругъ такъ громко,
Словно вѣтеръ въ тростниковой чащѣ,
Вѣтеръ съ горъ Ливана близъ Евфрата.
Меллѣ было восемнадцать весень,
Но она не вѣдала мужчины,
Вотъ она упала рядомъ съ Гаррой,
Посмотрѣла и запѣла тоже.
А за Меллой Аха, а за Ахой
Уррѣ, ея женихъ, и вотъ все племя
Полегло и пѣло, пѣло, пѣло,
Какъ въ лѣсу весеннимъ полднемъ птицы,
Какъ лягушки вечеромъ въ болотѣ.
Только старый отошелъ въ сторонку,
Кулаками зажимая уши,
И слеза катилась за слезою

Изъ его единственнаго глаза.
Онъ свое оплакивалъ паденье
Съ кручи, шишки на своихъ колѣняхъ,
Гарра, и вдову его, и время
Прежнее, когда смотрѣли люди
На равнину, гдѣ паслось ихъ стадо,
На воду, гдѣ пробѣгалъ ихъ парусъ,
А не въ небо черное, гдѣ свѣтятъ
Недоступныя, чужія звѣзды.

МИХ. ЗЕНКЕВИЧЪ

СМЕРТЬ АВИАТОРА.

Послѣ скорости молніи въ недвижномъ покоѣ
Онъ лежалъ въ воронкѣ, въ обломкахъ мотора —
Человѣческаго мяса дымящееся жаркое,
Лазурью обугленный стержень метеора.
Шипѣла кровь и пѣнилась пузырьками
На головнѣ головы облитой бензиномъ.
Отъ ужаса, въ сладострастїи, бедрами и боками
Женщины жались, повиснувъ, къ мужчинамъ.
Что же падемъ, если нужно пасть,
Но не больныя и дряхлыя мощи.
Каннибаламъ стихїямъ бросимъ въ пасть
Тѣло полное алой мощи.
Въ одѣяніи пламенномъ и золотомъ,
Какъ онъ прорѣжемъ лазурную пропасть,
Чтобъ на могилѣ сложилъ крестомъ
Разбитый пропеллеръ бурную лопасть,
Въ твердь ввинтимъ спиралей буравъ,
Пронзимъ полета алмазной вышкой
Воздушныхъ струй голубой заторъ
Мотора и сердца послѣднею вспышкой.

Смертію — смерть поправъ.
Покидайте же аэродромъ,
Какъ орель гранитную скалу,
Какъ стволь орудій снаряда ядро.
На высотъ десяти тысячъ
Метровъ, альтиметромъ сердца мѣрьте,
Гдѣ въ выси вѣчности высѣчь
Предѣльную скалу
Черныхъ дѣлений смерти.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

Не о любви прошу, не о веснѣ пою,
Но только ты одна послушай пѣснь мою.

И развѣ могъ бы я, о посуди сама,
Взглянуть на этотъ снѣгъ и не сойти съ ума.

Обыкновенный день, обыкновенный садъ,
Но почему кругомъ колокола звонять.

И соловьи поютъ, и на снѣгу цвѣты,
О почему, отвѣть, или не знаешь ты?

И развѣ могъ бы я, о посуди сама,
Въ твои глаза взглянуть и не сойти съ ума.

Не говорю повѣрь, не говорю услышь,
Но знаю, ты сейчасъ на тотъ же снѣгъ глядишь,

И за плечомъ твоимъ глядитъ любовь моя,
На этотъ снѣжный рай, въ которомъ ты и я.

Кровь бѣжитъ по томнымъ жиламъ
И даритъ отраду намъ
Сладкую покорность милымъ
Вѣчно новымъ именамъ.

Прихотью любви — пустыней
Станетъ плодородный край,
И взойдетъ въ пескахъ павлиній
Золотой и синій рай.

Въ чащѣ нѣжности дремучей
Путникъ ощупью идетъ,
Лютнею она пѣвучей
Лебедемъ его зоветъ.

— Ты желанна! Ты желанень!
— Я влюблень! Я влюблена!
Какъ Гафизъ магометанинъ
Пьяны, пьяны безъ вина.

И поемъ о смуглой кожѣ,
Розѣ въ шелковой косѣ,
Объ очахъ, что непохожи
На другія очи всѣ.

Въ меланхолическіе вечера,
Когда прозрачны краски увяданья,
Какъ разрисованные вѣера
Вы раскрываетесь, воспоминанья!

Деревья жалобно шумятъ. Луна
Напоминаетъ блѣдный дискъ камеи
И эхо повторяетъ имена
Елизаветы или Саломен.

И снова землю я люблю за то,
Что такъ торжественны лучи заката,
Что легкой кистью Антуанъ Ватто
Коснулся сердца моего когда-то.

Легкій мѣсяцъ блеснетъ надъ крестами
забытыхъ могилъ,
Тонкій лучъ озаритъ разрушенья унылую груду,
Теплый вѣтеръ вздохнетъ — я травою
и облакомъ былъ
Человѣческимъ сердцемъ я тоже
когда-нибудь буду.

Ты влюбленъ, ты грустишь, ты томишься
въ прохладѣ ночной,
Ты подругу зовешь и Маріей ее называешь,
Но настанетъ пора и надъ нашей
кудрявой землей
Пролетишь и не взглянешь и этихъ полей
не узнаешь.

Дитя гармоніи, Александрійскій стихъ
Ты медь и золото для бѣдныхъ губъ моихъ.

Я истощилъ свой даръ въ желаньяхъ
бесполезныхъ.

Шумъ жизни для меня, какъ звонъ цѣпей
желѣзныхъ.

Гдѣ счастье! Увы! — гдѣ прошлогодній снѣгъ...
Но я еще люблю стиховъ широкій бѣгъ,

Вдругъ озаряемый, какъ солнцемъ
съ небосклона

Печальной музыкой четвертаго пѣона.

Вновь съ тобою рядомъ лежа
Я вдыхаю нѣжный запахъ
Тѣла пахнущаго моремъ
И миндальнымъ молокомъ.

Вновь съ тобою рядомъ лежа
Съ легкимъ головокруженьемъ
Я заглядываю въ очи
Зеленѣй морской воды.

Влажные цѣлую губы,
Теплую цѣлую кожу
И глаза мои ослѣпли
Въ темномъ золотѣ волосъ.

Словно я лежу, обласканъ
Рыжими лучами солнца
На морскомъ пескѣ и вѣтеръ
Пахнетъ горькимъ миндалемъ.

Оттого и томить меня шорохъ травы,
Что трава пожелтѣетъ и роза увянетъ,
Что твое драгоцѣнное тѣло, увы,
Полевыми цвѣтами и глиною станетъ.

Даже память исчезнетъ о насъ — и тогда
Оживетъ подъ искусными пальцами глина
И впервые плеснетъ ключевая вода
Въ золотое, широкое горло кувшина.

И другую, быть можетъ, обниметъ другой
На закатѣ, въ условленный часъ, у колодца
И съ плеча обнаженнаго прахъ дорогой
Соскользнетъ и звеня на куски разобьется!

Слушай тягу, да!
Поезда покидаютъ страну,
Тамъ, гдѣ мостъ дуга,
И вокзалъ — уходящій держитъ сводъ.
Глуха Валгалла и намъ ли она!
Намъ вѣтеръ съ размаху и сѣрый дождь,
Да поездъ, стучащій по спинамъ шпаль;
Земная боль — пушевая дрожь,
За стеклами снѣгъ и зга.
Скупая память высѣкаетъ искру:
— Ты знаешь въ коллежѣ Франціи читаютъ
профессора,
Ты помнишь надъ темной Франціей стоятъ
пропеллера . . .
Буфера скрипучи.
„Такъ вѣчность просовываетъ въ дверь рога,
Она уставилась въ глаза.
Нашими руками обнимаетъ нашъ путь тайга“.
Визжатъ тормоза . . .
Поездъ плыветъ противъ воли,

Желѣзно-сегментный змѣй.
Смыкается сѣрый валъ
Надъ дымной его головой.
Намъ нечего помнить, другъ!
Бѣжить случайная жизнь,
И память мелькнувшихъ странъ,
Оставь ее навсегда.
Но ты жадно тащишь душу,
Куда, куда
Каменную бабочку?

М. ЛОЗИНСКІЙ

Еще свѣтло, но день ужь обречень,
И въ небѣ вѣтви тають смуглымъ дымомъ.
Опять звенить знакомый, ломкій звонъ
О прежнемъ, нѣжномъ, о давно любимомъ.

Итти, дышать, лелѣя хрупкій часъ
И заклинать оснѣженные дали,
Чтобъ звонъ не смолкъ, чтобъ медленнѣе гасъ
Небесный жемчугъ въ зеркалѣ печали.

Такъ много милаго, и сердцу не снести
Счастливой памятью накопленнаго груза,
И стала, слабая, на пламенномъ пути,
И просить слѣпоты, и просить ночи Муза.

Да. Можно все убить. Но былъ крылатый часъ,
Когда надъ юностью безсмертье пролетѣло.
Пусть день отверженный давно уже погасъ,
Пусть въ ризахъ вечера уже свѣжѣетъ тѣло.

Когда оно уснетъ во прахъ черныхъ лѣтъ
И будетъ, страшное, къ истлѣнію готово,
Въ замершіе глаза все тотъ же хлынетъ свѣтъ,
Все тотъ же царственный, неодолимый бредъ
Пустынной площади и вѣтра золотого.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕЧЕРЯ

Послѣдній помысль — объ одномъ,
И больше ничего не надо.
Гори, надъ роковымъ виномъ,
Послѣдней вечера лампада!

И кто расскажетъ, кто пойметъ,
Какую тьму оно колышитъ,
Какого солнца черный медъ
Въ его волнѣ горитъ и дышитъ?

Смотри: оно впиваетъ свѣтъ,
Какъ сердца жертвенная рана.
Весь мракъ, всю память мертвыхъ лѣтъ
Я наливаю въ два стакана.

Сегодня будетъ ночь суда,
Сегодня тьма стоитъ надъ нами.
Я къ этой влагѣ никогда
Не приникалъ еще губами.

Пора. За окнами темно.
Тамъ — одичалый праздникъ снѣга.
Какое страшное вино!
Какая кровь, и смерть, и нѣга!

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

За то, что я руки твои не сумѣлъ удержать,
За то, что я предалъ соленыя, нѣжныя губы,
Я долженъ разсвѣта въ дремучемъ акрополѣ ждать.
Какъ я ненавижу пахучіе древніе срубы!
Ахейскіе мужи во тьмѣ снаряжаютъ коня,
Зубчатыми пилами въ стѣны вгрызаются крѣпко,
Никакъ не уляжется крови сухая возня,
И нѣтъ для тебя ни названья, ни звука,
ни слѣпка.

Какъ могъ я подумать, что ты возвратишься,
какъ смѣлъ,
Зачѣмъ преждевременно я отъ тебя оторвался,
Еще не разсѣялся мракъ и пѣтухъ не пропѣлъ,
Еще въ древесину горячій топоръ не врѣзался.
Прозрачной слюдой на стѣнахъ проступила смола,
И чувствуетъ городъ свои деревянные ребра,
Но хлынула къ лѣстницамъ кровь
и на приступъ пошла,
И трижды приснился мужамъ
соблазнительный образъ.

Гдѣ милая Троя, гдѣ царскій, гдѣ дѣвичій домъ?
Онъ будетъ разрушенъ, высокій
 Пріамовъ скворешникъ,
И падаютъ стрѣлы сухимъ деревяннымъ
 дождемъ,
И стрѣлы другія растутъ на землѣ,
 какъ орѣшникъ.
Послѣдней звѣзды безболѣзненно гаснетъ уколъ,
И сѣрою ласточкой утро въ окно постучится,
И медленный день, какъ въ соломѣ
 проснувшійся волю,
На стогнахъ шершавыхъ
 отъ долгаго сна шевелится.

Чуть мерцаетъ призрачная сцена,
Хоры слабые тѣней,
Захлестнула шелкомъ Мельпомена
Окна храмины своей.

Чернымъ таборомъ стоятъ кареты,
На дворѣ морозъ трещить,
Все космато: люди и предметы,
И горячій снѣгъ хруститъ.

Понемногу челядь разбираетъ
Шубъ медвѣжьихъ вороха,
Въ суматохѣ бабочка летаетъ,
Розу кутають въ мѣха.

Модной пестряди кружки и мошки, —
Театральный легкій жаръ,
А на улицѣ мигаютъ плошки
И тяжелый валить паръ.

Кучера измаялись отъ крика
И храпять и дышатьъ тьма . . .
Ничего, голубка Эвридика,
Что у насъ студеная зима.

Слаще пѣнья итальянской рѣчи
Для меня родной языкъ,
И на сѣверѣ таинственно лепечеть
Чужеземныхъ арфъ родникъ.

Пахнетъ дымомъ бѣдная овчина
Отъ сугроба улица черна,
Изъ блаженнаго пѣвучаго притина
Къ намъ летитъ безсмертная весна,

Чтобы вѣчно арія звучала,
Ты вернешься на зеленые луга,
И живая ласточка упала
На горячіе снѣга.

Декабрь 1920 г.

Золотистаго меду струя изъ бутылки текла
Такъ тягуче и долго, что молвить хозяйка успѣла:
„Здѣсь, въ печальной Тавридѣ,
 куда насъ судьба занесла,
Мы совсѣмъ не скучаемъ“ — и черезъ плечо
 поглядѣла.

Всюду Бахуса службы, какъ будто на свѣтѣ одни
Сторожа и собаки. Идешь — никого не заметишь.
Какъ тяжелыя бочки, спокойныя катятся дни,
Далеко въ шалашѣ голоса: не поймешь,
 не отвѣтишь.

Послѣ чаю мы вышли въ огромный,
 коричневый садъ,
Какъ рѣсницы, на окнахъ опущены темныя шторы,
Мимо бѣлыхъ колоннъ мы пошли посмотреть
 виноградъ,
Гдѣ воздушнымъ стекломъ обливаются
 сонныя горы.

Я сказалъ: виноградъ какъ старинная битва
живетъ,
 Гдѣ курчавые всадники бьются
въ кудрявомъ порядкѣ.
 Въ каменистой Тавридѣ наука Эллады — и вотъ
 Золотыхъ десятикъ благородныя ржавыя грядки.

Ну, а въ комнатѣ бѣлой, какъ прялка стоитъ
тишина,
 Пахнетъ уксусомъ, краской и свѣжимъ виномъ
изъ подвала,
 Помнишь, въ греческомъ домѣ
любимая всѣми жена
 Не Елена — другая — какъ долго
она вышивала.

Золотое руно, гдѣ же ты, золотое руно,
 Всю дорогу шумѣли морскія тяжелыя волны,
 И, покинувъ корабль, натрудившій въ моряхъ
полотно,
 Одиссей возвратился пространствомъ
и временемъ полный.

Любящія мои альтоголосыя проповѣди
и плохія хозяйки —
О, какъ волнують меня такія женщины! . . .
По улицамъ всюду ходятъ пары,
У всѣхъ есть жены и любовницы,
А у меня нѣтъ подходящихъ; —
Я совсѣмъ не какой-нибудь уродъ,
— Когда я полнѣю, я даже бываю лицомъ
похожъ на Байрона.
Тѣхъ, которымъ я нравлюсь, но которыя
мнѣ не нравятся,
Я тѣхъ не цѣлую, —
Отъ нихъ пахнетъ самымъ непріятнымъ
мнѣ запахомъ,
Запахомъ красной искры . . .
Рая, — гдѣ она теперь? —
— Глупая, она меня промѣняла на толстаго
учителя изъ Смоленска.
Когда узналъ я это, я вошелъ въ ея комнату,
Хотѣлъ только сказать Райкѣ, что она глупая;
Ея не было дома, — я не сталъ ожидать, —
Увидалъ на ночномъ столѣ электрической
карманный фонарь,
Подаренный мной прошлой осенью,
Сунулъ его себѣ въ карманъ и вышелъ . . .
Гдѣ теперь Рая? — еслибъ я ее встрѣтилъ,
Я бы женился на ней! . . .
Фу, — подставляю затылокъ подъ кранъ,

Надо успокоиться . . .

— Странныя женщины, — попробуй сказать имъ:

Поцѣлуй это то же, что у собакъ обнюхиванье.

Цѣлуя женское тѣло, слышишь иногда,

Какъ въ немъ переливаются соки;

— Я знаю изъ чего состоятъ люди,

Но мнѣ вѣдь это нисколько не мѣшаетъ

цѣловать.

Лѣтними вечерами мы играемъ въ прятки,
 въ горѣлки, въ жмурки, —
Дѣти, когда вы играете, вы не бываете
 такъ веселы, —
Вы веселитесь, прыгаете, потому что въ васъ
 много мышинаго, стрекозинаго, заячьяго,
Ваше веселье и ваша дружба недолговременны
 и случайны, —
Кто-нибудь изъ васъ упадетъ, разобьетъ себѣ
 носъ, — и вы плачете,
У васъ есть крикливые мамы и папы,
 которыхъ вы боитесь,
Или добрые, — которыхъ вы не хотите огорчать
 своими шалостями,
Среди васъ много наслѣдственныхъ
 меланхоликовъ и калѣкъ,
У васъ много предразсудковъ и страховъ.
Мы же взрослые мужчины и женщины,
Мы всѣ влюблены другъ въ друга,

Намъ пріятно видѣть міръ такимъ,
 какъ онъ есть въ дѣйствительности,
— Не лучше и не хуже,
Не больше и не меньше,
У насъ нѣтъ никого, кого бы мы боялись,
Кто могъ бы запретить намъ дѣлать все,
 что мы желаемъ,
Мы всѣ равны между собою
И выбираемъ игроводителя не по величинѣ
 мускуловъ и не по возрасту.
Въ нашей кампаніи пять мужчинъ
 и столько же женщинъ. —
Люди, всѣ смотрите, всѣ невошедшіе
 въ нашу кампанію,
Какъ мы счастливы, какъ мы радостны! —
— Мы никогда не скучаемъ, ибо мы
 не желаемъ скучать,
Мы слушаемъ только вагнеровскую,
 скрябинскую музыку
И музыку большихъ концертныхъ вальсовъ
 и американскихъ танцевъ,
Мы не грустимъ, ибо мы всегда имѣемъ
 возможность
Удовлетворять свои любовныя желанья, —
Любовная неудовлетворенность —
 первопричина всякой грусти . . .
Земля плавно поворачивается вправо,
Сосны загораживаютъ отъ насъ солнце,

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

Мы прочли о смерти его,
Плакали громко другіе.
Не сказала я ничего,
И глаза мои были сухіе.
А ночью пришелъ онъ во снѣ
Изъ гроба и міра иного ко мнѣ,
Въ черномъ старомъ своемъ пиджакѣ,
Съ бѣлой книгой въ тонкой рукѣ.
И сказалъ мнѣ: „плакать не надо,
Хорошо, что не плакала ты;
Въ синемъ раю такая прохлада,
И воздухъ тихій такой,
И деревья шумятъ надо мной,
Какъ деревья Лѣтняго сада“.

ПОЭТЪ

Бѣлымъ полемъ шла я ночью
И странникъ шелъ со мной.
Онъ тихо сказалъ качая
Доброй, снѣжной головой.

— На землѣ и на небѣ радость,
Сегодня Рождество,
Ты грустна оттого, что не знаешь,
Сейчасъ ты увидишь его.

И поэтъ прошелъ предо мною,
Сердцу стало вдругъ горячо.
И тогда сказалъ мнѣ странникъ:
— Черезъ правое взгляни плечо.

Я взглянула. Онъ былъ печальный,
Добрый былъ онъ, какъ въ стихахъ своихъ.
И въ небѣ запыли звѣзды,
И вѣтеръ холодный стихъ.

И опять сказалъ мнѣ странникъ:
— Черезъ лѣвое плечо взгляни.
Я взглянула. Поднялся вѣтеръ,
И въ небѣ погасли огни.

А онъ сталъ злой и веселый,
Къ нему подползла змѣя.
Подъ тонкой рукой блеснула
Зеленая чешуя.

Годъ прошелъ и принесъ съ собою
Много добра и много зла
И въ старинный домъ на Шпалерной
Я походкой робкой вошла.

Низкая комната. Мягкая мебель.
Книги повсюду и теплая тишь.
Вотъ сейчасъ выползетъ черепаха,
Пролетитъ летучая мышь.

Но все спокойно и просто.
Только совсѣмъ особенный свѣтъ.
У окна папиросу курить
Не злой и не добрый поэтъ.

БАЛЛАДА ОБЪ ИЗВОЗЧИКЪ.

Къ дому по Бассейной шестьдесятъ
Подъѣзжаетъ извозчикъ каждый день,
Чтобъ везти комиссара въ комиссаріатъ —
Комиссару ходить лѣнь.

Извозчикъ заснулъ, извозчикъ ждетъ,
И лошадь спить и жуесть,
И оба ждутъ, и оба спятъ.

Пора комиссару въ комиссаріатъ.

На подъѣздъ выходитъ комиссаръ Зонъ,

Къ извозчику быстро подходитъ онъ,

Уже не молодъ, еще не старъ,

На лицѣ отвага, въ глазахъ пожаръ —

Вотъ каковъ собой комиссаръ.

Онъ извозчика въ бокъ и лошадь въ бокъ,

И сразу въ пролетку скокъ.

Извозчикъ дернетъ возжей,

Лошадь дернетъ ногой,

Извозчикъ крикнетъ: „Ну!“

Лошадь ногу подниметъ одну,

Поставить на земь опять
Пролетка покатится вспять,
Извозчикъ щелкнетъ кнутомъ
И двинется въ путь съ трудомъ.

Въ пять часовъ извозчикъ ѣдетъ домой,
Лошадь труситъ усталой рысцой,
Сейчасъ онъ въ чайной чай попьетъ,
Лошадь сѣно пока пожуетъ.
На дверяхъ чайной — засовъ
И надпись: „Закрѣно по случаю дровъ“.
Извозчикъ вздохнулъ: „Ухъ, чортовъ стулъ!“
Почесалъ затылокъ и снова вздохнулъ.
Лошадь снова труситъ усталой рысцой.
Голодный извозчикъ ѣдетъ домой.

На утро подѣхалъ онъ въ пасмурный день
Къ дому по Бассейной шестьдесятъ,
Чтобъ вести комиссара въ комиссаріатъ —
Комиссару ходить лѣнь.
Извозчикъ уснулъ, извозчикъ ждетъ,
И лошадь спитъ и жуесть,
И оба ждутъ, и оба спятъ.
Пора комиссару въ комиссаріатъ.
На подѣздъ выходитъ комиссаръ Зонъ,
Къ извозчику быстро подходитъ онъ,
Извозчика въ бокъ и лошадь въ бокъ

И сразу въ пролетку скокъ.
Но извозчикъ не дернулъ возжей,
Не дернула лошадь ногой.
Извозчикъ не крикнулъ: „Ну!“
Не подняла лошадь ногу одну,
Извозчикъ не щелкнулъ кнутомъ,
Не двинулись въ путь съ трудомъ.
Комиссаръ вскричалъ: „Что за чортъ!
Лошадь мертва, извозчикъ мертвъ!
Теперь пѣшкомъ мнѣ придется бѣжать
На площадь Урицкаго пять“.

Небесной дорогой голубой
Идетъ извозчикъ и лошадь ведетъ за собой.
Подходятъ они къ райскимъ дверямъ:
„Апостоль Петръ, отворите намъ!“
Раздался голосъ святого Петра:
„А много вы сдѣлали въ жизни добра?“
— „Мы возили комиссара въ комиссаріатъ
Каждый день туда и назадъ,
Голодали мы тысячу триста пять дней,
Сжальтесь надъ лошадью бѣдной моей!
Спокойно и сытно у васъ въ раю,
Впустите меня и лошадь мою!“
Апостоль Петръ отперъ дверь,
На лошадь взглянулъ: „Ишь, тощій звѣрь!
Ну, такъ и быть, полѣзай!“
И вошли они въ Божій рай.

НИК. ОЦУПЪ

ВОЙНА

Арабъ въ кровавой чалмѣ на длинномъ
паршивомъ верблюдѣ
Смѣшалъ караваны народовъ и скрылся
среди песковъ
Подъ шопоть охрипшихъ окоповъ и кашель
усталыхъ орудій
И легкой печальный шорохъ прильнувшихъ
къ полямъ облаковъ.

Воробьиное пугало тщетно осѣняетъ горохъ
рукавами:
Солдаты топчуть пшеницу, на гряды ложатся
ничкомъ,
Сколько стремительныхъ пуль остановлено
ихъ тѣлами,
Полмира пропитано дымомъ словно
густымъ табакомъ.
Всѣ одного со мной сомнительнаго поколѣнья,
Кто раненъ въ сердце навзлетъ мечтой
о кровавой чалмѣ,
Отъ саранчи ночей въ себѣ ищите спасенья

Воспоминанья дѣтства зажигайте
въ беззвѣздной тьмѣ!

Вотъ царскосельскій дубъ, орель
надъ прудомъ и лодки,
Овидій въ изданьи Манштейна,
растрепанный сборникъ задачъ,
Въ нижнемъ окнѣ сапожникъ стучить
молоткомъ по колодкѣ,
Въ субботу послѣдній экзамень, завтра
футбольный матчъ!

А лѣтомъ балтійскія дюны, янтари
и песокъ и снова
Съ молчаливыми рыбаками въ синій просторъ
до утра!..
Кто еще изъ читателей „Задушевнаго Слова“
Любитъ играть въ солдатики? ...
Очень плохая игра ...

Въ голубомъ прозрачномъ крематоріи
Легкія истлѣли облака,
Надъ Невою солнце Евпаторіи,
И вода свѣтла и глубока.

Женщина прекрасная и блѣдная
У дубовой двери замерла,
Сквозь перчатку жалитъ ручка мѣдная,
Бьетъ въ глаза нещадный блескъ стекла.

„Милое и нѣжное созданіе,
Я сейчасъ у ногъ твоихъ умру,
Развѣ можно бѣгать на свиданіе
Въ эту нестерпимую жару?“

Будешь ты измѣной и утратою
Мучиться за этими дверьми,
Лучше обратись скорѣе въ статую
И колонну эту обними!“

Дверь тяжелая сопротивляется,
Деревянный темнокрасный левъ
Отъ широкой рамы отдѣляется
И увѣщеваешь на распѣвъ:

— Онъ и самъ мѣняетъ очертанія
Городъ съ длиннымъ шпилемъ золотымъ:
Дождь надъ Темзой, съверъ — Христіанія,
А сегодня виноградный Крымъ!

Скоро осень и у насъ, и за моремъ,
Будетъ вѣтеръ надъ Невой звенѣть,
Если тѣло можно сдѣлать мраморомъ,
Ты должна скорѣй оцѣпенѣть.

Все равно за спущенными шторами
Онъ совсѣмъ не ждетъ твоихъ шаговъ,
Встрѣтишься съ уклончивыми взорами
И вдохнешь струю чужихъ духовъ. —

Женщина къ колоннѣ приближается,
Подъ горячимъ золотымъ дождемъ,
Тѣло, застывая, обнажается
И прожилки мрамора на немъ.

Будеть онъ винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной,
Стережетъ задумчивую статую
У его подъѣзда левъ рѣзной.

Я приснился себѣ медвѣдемъ
И теперь мнѣ трудно ходить —
Раздавилъ за столомъ тарелку,
А въ отвѣтъ на нѣжный укоръ
Проворчалъ: „Скорлупку орѣха
Я не такъ еще раздавлю!“
Даже медомъ грежу я, даже
Лапу сунуль въ ротъ и сосу.
Что же дѣлать въ этой берлогѣ,
Гдѣ фарфоровые сервизы
Не даютъ вздохнуть отъ души?
Уведи меня, Варя, въ таборъ, —
Съ безымяннаго пальца скинувъ,
Въ носъ продѣнь кольцо золотое
И вели мнѣ плясать подъ пѣсни,
Подъ которыя я мурлычу,
И сейчасъ у тебя въ ногахъ!
О теперь я совсѣмъ очнулся:
Больше я не медвѣдь, но кто я?
Отрокъ радостно подраставшій
На парадахъ въ Царскомъ Селѣ?

Или юноша — парижанинъ,
Проигравшій деньги на скачкахъ,
Все, что братъ прислалъ изъ Россіи,
Гдѣ его гвоздильный заводъ?
Или тотъ, кто слушалъ Бергсона
Въ многолюдномъ колледжѣ, или
Тотъ, кто можетъ писать стихи?
Маленькая, ты не повѣришь,
Что медвѣдь я и парижанинъ,
Царскосель, бергсонистъ, писатель
И къ тому же я сумасшедшій,
Потому что мнѣ показалось,
Что и Нельдихенъ — это я!

Я много проигралъ. Въ прихожей стынуть шубы.
Досадно и темно. Морозъ и тишина.
Но что за нѣжныя застѣнчивыя губы,
Какая милая невѣрная жена.

Покатое плечо совсѣмъ похолодѣло,
Не тканью дымчатой прохладу обмануть,
Упорный шелкъ скрипитъ, угадываю тѣло,
Едва прикрытую вздыхающую грудь.

Пустая комната, зеленая лампадка,
Изъ залы голоса — кому-то повезло :
— Къ семеркѣ два туза ! Четвертая девятка !
И снова тишина. Метелью замело

Блаженный поцѣлуй. Глубокій снѣгъ синѣетъ,
Съ винтовкой человекъ зѣваетъ у костра.
Люблю трагедію — бѣда глухая зрѣетъ
И тяжело падаетъ ударомъ топора.

А въ жизни легкая комедія плѣняется,
Любовь безслезная, развязка у воротъ.
Фонарь еще горитъ и тѣни удлиняетъ
И солнце мутное въ безмолвіи растетъ.

ВЛ. ПЯСТЬ

НѢЧТО АСТРАЛЬНОЕ.

Мы съ тобою взрастили звѣрька —
Онъ мохнать со щетинкой и черень,
И въ своемъ бытіи онъ упорень:
Не отъ каждаго рухнетъ толчка.

Хоть конечности слабы его,
Изнутри — ни пушинки на лапахъ,
И — пожалуй, что мускусный запахъ
Въ немъ реальнѣй другого всего.

Онъ исчезнетъ — но только, когда
Излъчусь я отъ злого томленья
По тебѣ, моего вдохновенья,
Не по волѣ святая, звѣзда.

В. ПОЗНЕРЪ

БАЛЛАДА О ДЕЗЕРТИРЪ

I

Бои не страшны, переходы легки
и винтовка тоже легка
Рядовому тринадцатаго пѣхотнаго полка.

Но вчера война и сегодня война,
и завтра тоже война,
А дома дѣти, а дома отецъ, а дома
мать и жена.

И завтра война, и всегда война, никогда
не наступить миръ,
И изъ тринадцатаго полка бѣжить домой
дезертиръ.

Онъ бѣжить въ лѣсъ, онъ по лѣсу бѣжить
и уже наступила мгла,
И луна погасла, и солнце взошло,
и снова луна взошла.

Весь день дезертиръ ничего не ѣлъ,
весь день межъ деревьевъ блуждалъ.
Весь день голодалъ, и второй голодалъ,
и третій день голодалъ.

И когда настала четвертая ночь, дезертиръ
на дерево влезъ.
Справа лѣсъ и слѣва лѣсъ, и со всѣхъ сторонъ
лѣсъ.

Два зеленыхъ глаза въ кустахъ горять,
а въ листьяхъ желтыхъ два.
Воетъ волкъ голодный, и филинъ кричитъ,
и вторитъ ему сова.

И вдругъ желтымъ луннымъ лучомъ
пронизалась ночная мгла
И мягкія дезертиру въ лицо шарахнулись
два крыла.

Два мягкихъ крыла, острый клювъ,
два глаза въ глаза глядятъ.
И вскрикнулъ солдатъ, зашатался солдатъ,
на-земь упалъ солдатъ.

А дома дѣти, а дома отецъ, а дома
мать ижена,

Но вчера война и сегодня война, и завтра
будетъ война.

Надъ его головой голодный волкъ
поднимаетъ протяжный вой.
Дезертиръ лежитъ у волчьихъ лапъ
съ проломленной головой.

Надъ его головой развѣвайся и вѣй,
Погребальный саванъ сухихъ вѣтвей.

Вѣтеръ, играй сухою листвою
Надъ его разбитою головой.

Онъ лежитъ на сырой землѣ, не двигаясь
и не дыша,
Онъ лежитъ на сырой землѣ и земля ему
будетъ легка.

Отошла къ Богу еще одна грѣшница-душа —
Рядового тринадцатаго пѣхотнаго полка.

СТАТЬИ

СМЕРТЬ БЛОКА

7-ое августа 1921 года многимъ напомнило другую дату — 29 января 1837 года.

Надъ гробомъ Блока нельзя было не чувствовать, что умеръ одинъ изъ тѣхъ людей, ради которыхъ — какъ бы къ нимъ ни относиться, — только и стоитъ существовать литература съ ея вздоромъ, романами, изслѣдованіями, грызней и диспутами. Если бы хоть изрѣдка и ненадолго не появлялись въ ней такіе люди, то она лишилась бы смысла и осталась бы отъ нее только публицистика и бумага, — больше ничего.

Блокъ „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“ — давно въ Россіи невѣдомой, — и смерть его какъ будто снова оживила полузабытое прошлое: безотчетныя предчувствія эпохи послѣ 905 года, стихи о Незнакомкѣ и о снѣжной вьюгѣ, послѣднія обмолвки символизма.

Были казенные восторги: статьи о великой утратѣ. Были и казенныя непристойности: Москва и знаменитыя московскія афиши. На

фонѣ этой обыденщины смерть поэта кажется еще знаменательнѣй.

Для того, кто не лѣнился читать и понимать стихи Блока, особенно стихи послѣднихъ лѣтъ, смерть его какъ бы поставила точку надъ і въ самыхъ основныхъ вопросахъ и темахъ современной поэзіи и едва ли показалась неожиданной.

Блокъ жилъ послѣднія десять лѣтъ повидимому только по инерціи. Двигатель его существованія давно былъ остановленъ — должно было остановиться и само движеніе.

Новая европейская поэзія до сихъ поръ еще знаетъ одну только тему — разочарованіе.

Лермонтовъ въ „Ангелѣ“ далъ, можетъ быть, слишкомъ нарядную и нѣжную формулу для его объясненія, но въ выводѣ онъ правъ: поэту очень скучно жить.

Иногда утѣшаетъ его экзотика, иногда „ликующая современность“, но этими декораціями надолго обмануться трудно.

Блокъ послѣ увлеченія и розовыхъ мечтаній своихъ далекихъ лѣтъ очень ясно и очень честно отвѣтилъ: мнѣ жизнь не нравится. И вся его поэзія съ „Ночныхъ часовъ“ одушевлена однимъ только пафосомъ: пафосомъ ликвидаціи всѣхъ человѣческихъ надеждъ и вѣрованій. Въ концѣ прошлаго вѣка то же сдѣлалъ Ибсенъ, — но съ большимъ спокойствіемъ и съ болѣе отчетливымъ трагизмомъ. Его Ульрикъ Брендель просилъ займы „парочку подержанныхъ идеаловъ“, — едва ли Блокъ могъ бы одолжить ихъ ему. Идеалы Двѣнадцати слишкомъ уже подержаны.

Русская поэзія сейчасъ во всемъ, что есть въ ней живого, наслѣдства Блока не принимаетъ. Это не простая размолвка отцовъ и дѣтей. Мнѣ кажется, здѣсь говоритъ инстинктъ самосохраненія. Теоретическій споръ о томъ, какъ писать стихи, формально отдѣлившій отъ Блока поэтовъ послѣднихъ 5—10 лѣтъ, связанъ не съ одной только теоріей литературы. Его основой было недоумѣніе: призракъ ли вся окружающая насъ жизнь и не сумасшедшій ли домъ — весь міръ? Блокъ склонялся сказать: да. И всѣ сочетанія — наименованій призраковъ — были для него законны (какъ и вообще для русскихъ символистовъ). Другіе отвѣтили: нѣтъ. И, произнося слово „снѣгъ“ или „звѣзда“, знали, что называютъ дѣйствительно реальныя сущности. Поэтому стали осмотрительнѣй въ обращеніи со словомъ.

Иначе жить нельзя. И иначе нельзя писать стихи — если слово не имѣетъ всегда одного, постояннаго значенія, а мѣняетъ его, какъ бумажный рубль свою цѣнность.

Очень неожиданно въ это разногласіе вмѣшивается исторія: если Россія на вызовъ Петра отвѣтила Пушкинымъ, то Блокомъ она отказалась отъ своего отвѣта, попыталась зачеркнуть его и потянуться опять въ старыя азіатскія дебри, въ азіатскую одурь. Это что-то похожее на измѣну и никакимъ личнымъ очарованіемъ искупить этого нельзя. Скифство, какъ лозунгъ, есть, конечно, одинъ изъ печальнѣйшихъ эпизодовъ въ развитіи русскаго соз-

нанія. Куда оно ведетъ? На что оно рассчитываетъ?

Осью вращенія нашей молодой поэзіи, ея смысломъ и жизнью является рѣшительное и окончательное „принятіе“ Европы, даже откровенное и долгое еще ученичество, хотя бы и вѣрно было то, что Европа сейчасъ — только кладбище.

Едва ли желаніе жить и работать, вообще прочно устроиться въ жизни, можетъ продиктовать другую мысль. Блокъ отъ нея отвернулся потому, что хотѣлъ только какъ-нибудь перебиться на землѣ, будто на проѣздной станціи.

И слабѣя въ тѣхъ своихъ стихахъ, гдѣ онъ притворяется человѣкомъ, любовь котораго „и жжетъ и губитъ“, который можетъ проповѣдовать и учить, негодовать и спорить, онъ поднимается на вершины искусства тамъ гдѣ просто скучаетъ. Эти восемь строкъ совершенно незабываемы:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Безсмысленный и тусклый свѣтъ,
Живи еще хоть четверть вѣка,
Все будетъ такъ—исхода нѣтъ.
Умрешь, начнешь опять сначала,
И повторится все, какъ встарь.
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Но вѣдь никакимъ искусствомъ и никакой поэзіей не внушить людямъ, что аптека есть только грандіозный символъ безсмыслія жизни, а не нужное имъ учрежденіе, что этотъ міръ,

такой разнообразный и прекрасный, есть всего лишь огромная тюрьма.

Поэтъ не имѣетъ права называть обывательщиной то, что въ дѣйствительности есть здоровое и живое сознаніе.

И тотъ поэтъ, который захочетъ быть устройтеlemъ жизни, будетъ къ ней доврчивѣе.

Георгій Адамовичъ

ДВА СЛОВА О РИФМѢ

Въ обществѣ людей, близкихъ къ поэзіи, мнѣ довелось слышать слова, похожія на мечты полковника Вершинина :

„Лѣтъ черезъ двѣсти — триста филологи, вѣроятно, рѣшатъ, что въ началѣ двадцатаго вѣка въ русскомъ языкѣ послѣднія согласныя не произносились. И основаніемъ для такого заключенія будутъ наши стихи. Вѣдь мы теперь рифмуемъ труба и барабанъ, пламя и память“...

Объ этомъ стоитъ поговорить. Рифмовать трубу съ барабаномъ теперь считаетъ для себя обязательнымъ всякая студистка. И эти рифмы, замѣнь непривившихся составныхъ, признаются завоеваніемъ нашей поэзіи послѣднихъ лѣтъ.

Понятія рифмоидъ и просто плохая рифма у насъ мало разграничены. Чувство цѣлостности строфы, и связи между ея ритмической формой и формой созвучія развито слабо. Количественное богатство согласныхъ звуковъ,

т. е. вопросъ о физиологическомъ усилии, необходимомъ для произнесенія звука т или ж, и о волнахъ, ими вызываемыхъ, — вопросъ, кажется, неразработанный, или, во всякомъ случаѣ, не примененный къ изученію стихотворной техники.

Это позволяетъ съ легкостью завоевывать новыя страны для русской поэзіи.

Лишній звукъ на концѣ женской рифмы сталъ прибавляться сознательно, а не случайно, лѣтъ 15—20 назадъ. На концѣ мужской — лѣтъ 8. Эта эволюція, при всей ея естественности и объяснимости, все-таки смѣшна.

Блокъ писалъ :

Надъ рѣкой горючій бѣлый камень...

Свѣтлый стягъ надъ нашими полками

Говорили, что рифма эта правильна потому, что слѣдующая строка за „полками“ начинается словомъ „не“ и такимъ образомъ получается „каминь“.

Это разсужденіе основано, повидимому, на дурной привычкѣ читать стихотвореніе не по отдѣльнымъ стихамъ (строкамъ) и безъ остановки на концѣ ихъ, — т. е. читать такъ, какъ читаютъ актеры и учителя русской словесности. При вѣрной читкѣ слову „полками“ нѣтъ никакого дѣла до слѣдующаго н. Рифма Блока была приблизительно чистой только потому, что она была женской и что точка ея дисгармоніи была не въ фокусѣ ударенія. Такой

рифмой всегда подчеркивается зыбкость и неуверенность стиха.

Мужская рифма требует точности, потому что въ ней по природѣ ея все отчетливо. Но все же мнѣ кажется, что душа и ушатъ — вѣрная рифма, а стопа и экипажъ — фальшивая. Количественное богатство созвучной шипящей въ первомъ случаѣ покрываетъ недостающее и глухое т. Во второмъ случаѣ наоборотъ: п слишкомъ бѣдно, чтобы заглушить недостающее ж.

И такъ далѣе. Здѣсь можно брести только ощупью, пока фонетика не станетъ проводникомъ въ дебряхъ теоріи поэзіи. Но едва ли разборчивое ухо приметъ голый принципъ, что звукъ слѣдующей за ударной гласной въ расчетъ не принимается. Стихи, оканчивающіеся на зима и маршъ, не только бѣлые стихи, но и дурные бѣлые стихи. Это легко раскрываемый обманъ. Не будемъ возвращаться къ Озерову, рифмовавшему благо и святого въ силу ихъ начертательнаго сходства.

Стоило бы отдѣльно затронуть вопросъ о томъ, насколько вообще природа стиха не паузнаго и не силлабическаго, а обычно метрическаго, т.е. ломоносовскаго, допускаетъ рифмиды и ассонансы.

Но эта общая тема о рифмѣ и о возможности выхода изъ тупика ограниченнаго количества созвучій. Объ этомъ послѣ.

Мнѣ хочется еще только напомнить, что „все образуетъ въ жизни кругъ“. Мужскія рифмы съ недостающимъ согласнымъ звукомъ

встрѣчаются не только у Мореаса, но — правда, очень рѣдко, — и у Бодлера. Только у него это похоже на ошибки. Есть такія ошибки даже и у вообще непогрѣшимаго Расина.

Георгій Адамовичъ

ПАМЯТИ АННЕНСКАГО

Поэзія Анненскаго не имѣла успѣха. Не только при жизни не видѣлъ онъ признанья и славы, но и послѣ смерти остался чуждымъ нашей читающей публикѣ.

Это, конечно, не можетъ удивить никого, кто знаетъ цѣну литературной и тѣмъ болѣе поэтической популярности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обычныхъ представленіяхъ о розни между поэтомъ и толпой, объ одиночествѣ генія и во всѣхъ подобныхъ фразахъ много фальши и преувеличенія, но есть въ нихъ и настоящая правда.

Имя Баратынскаго и судьба его поэзіи можетъ многому научить въ этомъ отношеніи.

Если не считать назначеніемъ поэзіи то непрочное и во всякомъ случаѣ ослабляющее волю воздѣйствіе, которое оказываетъ на читателей большинство изъ любимыхъ ими лириковъ, то дѣло Анненскаго не такъ плохо. Кругъ его читателей тѣсенъ, но неразрывенъ.

Пусть въ обычномъ ряду прославленныхъ нашихъ писателей имя Анненскаго неизмѣнно

и всегда пропускается. Все же цѣлое поколѣніе поэтовъ согласно, что Анненскій есть едва ли не наиболѣе своеобразное и значительное явленіе въ русской лирикѣ послѣдней четверти вѣка. Очарованіе его индивидуальности и его стиля мало съ чѣмъ сравнимо.

Конечно, онъ не „великій“ поэтъ. Ему не хватаетъ силы. Его голосъ надтреснутъ. Онъ не начинается и не кончается эпохи. При воспоминаніи о тѣхъ далекихъ временахъ, когда поэтъ былъ средоточіемъ жизни и воплощаль ея стройность и ея величіе, эта причудливая и печальная поэзія кажется чѣмъ-то жалкимъ. И это не обманъ, конечно, — такова она и есть.

Но здѣсь не причемъ лично Анненскій. То же самое можно сказать и о Верленѣ и о всякомъ поэтѣ послѣдняго времени.

Повидимому, идея прогресса и мірового совершенствованія терпитъ свое самое полное и явное крушеніе въ человѣческой поэзіи, — можетъ быть, потому, что поэзія есть наиболѣе хрупкое изъ всего, что человѣкомъ создано. Нетрудно убѣдиться въ этомъ: надо лишь перечестъ послѣднюю пѣснь Иліады и вслѣдъ за нею любые стихи любого изъ новыхъ поэтовъ. И то впечатлѣніе паденія и катастрофы, которое при этомъ получается вызвано не разницей въ дарованіи поэтовъ. Конечно нѣтъ.

Великолѣпіе Гомера или, если говорить точно, его сила и его сдержанность питается прежде всего порядкомъ и стройностью соотношенія основныхъ элементовъ жизни въ его

эпоху. Мы это давно уже потеряли. И едва ли не напрашивается здѣсь самъ собою выводъ неутѣшительный для „будущихъ путей“ европейской поэзіи. Любители предсказаній должны были бы объ этомъ подумать. Но не объ нихъ сейчасъ рѣчь.

Послѣ Гомера было двадцать пять вѣковъ поэзіи и стиховъ. Школы смѣнялись школами, традиціи традиціями. И конецъ девятнадцатаго столѣтія застаётъ поэтовъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было „разочарованными“ и будто озябшими въ дальней дорогѣ. Они полны воспоминаній и говорятъ о покоѣ.

Во Франціи еще появляются блистательныя теоріи и блистательныя произведенія. Но Франція прошла во главѣ послѣ-гомеровскаго умственнаго и поэтическаго движенія. Парижъ былъ безъ всякаго преувеличенія новыми Афинами. И французское декадентство было очень органично.

У насъ было мало причинъ для него, даже никакихъ причинъ, — кромѣ чрезмѣрной впечатлительности русской интеллигенціи.

Наше декадентство было азіатскимъ и ребяческимъ. Оно дало двухъ — трехъ замѣчательныхъ поэтовъ, но на фонѣ его есть только одна подлинно-европейская фигура Анненскій.

Поэзія не можетъ быть космополитична. Если бы этотъ одинокій русскій декадентъ былъ бы только человѣкомъ, перегруженнымъ воспоминаніями и надломленнымъ тяжестью куль-

туры, едва ли запомнился бы намъ его голосъ.

Но въ его поэзіи прихотливо и неповторимо переплелись тончайшія и нѣсколько брезгливыя традиціи парижскихъ парнасцевъ и символистовъ съ русской жалостью къ неудачливому человѣчеству нашихъ дней, суетливому и искалченному.

За полированными створками „Кипарисоваго Ларца“ мелькаютъ, — какъ это ни удивительно, — складки все той же шинели Акакія Акакіевича.

Она тронута тлѣніемъ эта поэзія. Стилистика ея капризна и недолговѣчна. Юморъ невесель. Дыханіе коротко и очень прерывисто. И цѣлое напоминаетъ ржавый поздне-сентябрьскій день съ пронзительнымъ холодкомъ и рябью на рѣкѣ, когда хочется спрятать руки въ карманы.

Но въ сентябрѣ еще грѣетъ солнце. И поэзія Анненскаго еще пронизана всеозаряющимъ свѣтомъ античности (м. б. и воображаемой только).

Онъ очень скупъ на воспоминанія о ней и стыдится ихъ не менѣе, кажется, чѣмъ своей жалости къ людямъ. Иронія никогда его не покидаетъ. Изрѣдка только рѣшится онъ дать незамаскированный эпитетъ или вспомнить имя Андромеды. Но лишь эта реакція на античность даетъ жизнь и смыслъ всему цѣлому его творчества, — и его зоркому реализму, и технической изощренности, и печали. Едва ли нужно объяснять, почему это происходитъ.

Античность многое объяснила Анненскому: онъ живъ и въ наши дни не потому, что такъ тщательно и съ такой неврастенической точностью описывалъ окружающее, а потому, что первый вдохнулъ въ русскую лирику то чувство (трудно сказать, воспоминаніе ли, предчувствіе или только жажду) огромнаго и торжественнаго счастья, которое сейчасъ движетъ міромъ.

Конечно, у него не найти объ этомъ логически выраженныхъ мыслей. Но, наперекоръ логикѣ и въ сущности вполне забронировавъ себя отъ слишкомъ прямолинейныхъ толкованій, онъ иногда недоумѣваетъ:

А если грязь и низость только мука
По гдѣ-то тамъ сіяющей красѣ?

Или рассказываетъ, все время сбиваясь на суворовскія ужимки и смѣшки, о томъ, какъ слушалъ замороженный Фамира пѣніе Музы.

Но и эти недоумѣнія и эти рассказы остались почти неслышанными. Читающій міръ, пройдя черезъ эстетизмъ, символизмъ и футуризмъ, попрежнему крѣпко еще привязанъ къ лозунгамъ и формуламъ, въ какомъ бы видѣ они ни подносились. Общественно все это объяснимо, но для искусства ничуть не утѣшительнѣе.

Я думаю, что печаль Анненскаго имѣла нѣкоторыя объективныя основанія и оправданія въ окружавшей его жизни. Онъ слишкомъ много помнилъ изъ прошлаго и слишкомъ пристально вглядывался въ настоящее, чтобы сохранить „бодрость духа.“

А будущее? Къ нему, кажется, онъ былъ безучастенъ. И поэтому, я думаю еще, что онъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ своей поэтической судьбы.

Георгій Адамовичъ

ЧИТАТЕЛЬ

I

Поэзія для человѣка — одинъ изъ способовъ выраженія своей личности и проявляется при посредствѣ слова, единственнаго орудія, удовлетворяющаго ея потребностямъ. Все, что говорится о поэтичности какого-нибудь пейзажа или явленія природы, указываетъ только на пригодность ихъ въ качествѣ поэтического матеріала, или намекаетъ на очень отдаленную аналогію въ анимистическомъ духѣ между поэтомъ и природой. То же относится и къ поступкамъ или чувствамъ человѣка, невоплощеннымъ въ словѣ. Они могутъ быть прекрасными, какъ впечатлѣніе, даваемое поэзіей, но не станутъ ею, потому что поэзія заключаетъ въ себѣ далеко не все прекрасное, что доступно человѣку. Никакими средствами стихотворной фонетики не передать подлиннаго голоса скрипки или флейты, никакими стилистическими приѣмами не воплотить блеска солнца, вѣянія вѣтра.

Поэзія и религія — двѣ стороны одной и той же монеты. И та и другая требуютъ отъ чело-вѣка духовной работы. Но не во имя практи-ческой цѣли, какъ этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной имъ самимъ. Этика при-способляетъ чело-вѣка къ жизни въ обществѣ; эстетика стремится увеличить его способность наслаждаться. Руководство же въ перерожденіи чело-вѣка въ высшій типъ принадлежитъ религіи и поэзіи. Религія обращается къ коллективу. Для ея цѣлей, будь то построение небеснаго Іерусалима, повсемѣстное прославление Аллаха, очищение матеріи въ Нирванѣ, необходимы со-вмѣстныя усилія, своего рода работа полиповъ, образующая коралловый рифъ. Поэзія всегда обращается къ личности. Даже тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ съ толпой — онъ говоритъ отдѣльно съ каждымъ изъ толпы. Отъ личности поэзія требуетъ того же, чего религія отъ коллектива. Во-первыхъ признанія своей единственности и всемогущества, во-вторыхъ усовершенствованія своей природы. Поэтъ, понявшій „травъ неяс-ный запахъ“, хочетъ, чтобы то - же сталь чув-ствовать и читатель. Ему надо, чтобы всѣмъ „была звѣздная книга ясна“ и „съ нимъ гово-рила морская волна“. Поэтому поэтъ въ ми-нуты творчества долженъ быть обладателемъ какого-нибудь ощущенія, до него неосознаннаго и цѣннаго. Это рождаетъ въ немъ чувство ка-тастрофичности, ему кажется, что онъ говоритъ свое послѣднее и самое главное, безъ познанія чего не стоило землѣ и родиться. Это сов-

сѣмь особенное чувство, иногда наполняющее такимъ трепетомъ, что оно мѣшало бы говорить, если-бы не сопутствующее ему чувство побѣдности, сознаніе того, что творишь совершенныя сочетанія словъ, подобныя тѣмъ, которыя нѣкогда воскрешали мертвыхъ, разрушали стѣны. Эти два чувства бываютъ и у плохихъ поэтовъ. Изученіе техники заставляетъ ихъ являться рѣже, но давать большіе результаты.

Поэзія всегда желала отмежеваться отъ прозы. И типографскимъ (прежде каллиграфическимъ) путемъ, начиная каждую строку съ большой буквы, и звуковымъ, ясно слышимымъ ритмомъ, рифмой, аллитераціей и стилистически, создавая особый „поэтическій“ языкъ“ (трубадуры, Ронсаръ, Ломоносовъ). И композиціонно, достигая особой краткости мысли, и эйдологически въ выборѣ образовъ. И повсюду проза слѣдовала за ней, утверждая, что между ними собственно нѣтъ разницы, подобно бѣдняку, преслѣдуемому своей дружбой богатаго родственника. За послѣднее время ея старанія какъ будто увѣнчались успѣхомъ. Съ одной стороны она подъ перомъ Флобера, Бодлера, Рембо прибрѣла манеры избранницы судьбы, съ другой поэзія, помня, что повитка непремѣнное условіе ея существованія, неустанно ищетъ новыхъ и новыхъ средствъ воздѣйствія и подошла къ запретной области въ стихѣ Вордсворда, композиціи Байрона, свободномъ стихѣ и др. и даже въ начертаніи, разъ Поль Форъ печатаетъ свои стихи въ строку, какъ прозу.

Я думаю, и невозможно найти точной границы между прозой и поэзией, какъ не найдемъ ее между растеніями и минералами, животными и растеніями. Однако существованіе гибридныхъ особей не унижаетъ чистаго типа. И относительно поэзіи ея новѣйшіе изслѣдователи пришли къ согласію. Въ Англіи продолжаетъ царить аксіома Кольриджа, опредѣляющая поэзію какъ „лучшія слова въ лучшемъ порядкѣ“. Во Франціи мнѣніе Т. Де-Банвиля: поэма — то, что уже сотворено и не можетъ быть исправлено. Къ этимъ двумъ мнѣніямъ примкнулъ и Малларме, сказавшій: „Поэзія вездѣ, гдѣ есть внѣшнее усиліе стила“.

Выражая себя въ словѣ, поэтъ всегда обращается къ кому-то, къ какому-то слушателю. Часто этотъ слушатель — онъ самъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ раздвоеніемъ личности. Иногда нѣкій мистическій собесѣдникъ, еще не явившійся другъ, или возлюбленная, иногда это Богъ, Природа, Народъ...

Это — въ минуту творчества. Однако, ни для кого, а для поэта тѣмъ болѣе не тайна, что каждое стихотвореніе находитъ себѣ живого реальнаго читателя среди современниковъ, порой потомковъ. Этотъ читатель отнюдь не достоинъ того презрѣнія, которымъ такъ часто обливали его поэты. Это благодаря ему печатаются книги, создаются репутаціи, это онъ далъ намъ возможность читать Гомера, Данте и Шекспира. Кромѣ того никакой поэтъ и не долженъ забывать, что онъ самъ, по отношенію къ другимъ

поэтамъ, тоже только читатель. Однако всѣ мы подобны человѣку, выучившемуся иностранному языку по учебникамъ. Мы можемъ говорить, но не понимаемъ, когда говорятъ съ нами. Неисчислимы руководства для поэтовъ но руководство для читателей не существуетъ. Поэзія развивается, направленія въ ней смѣняются направленіями, читатель остается все тѣмъ же, и никто не пытается фонаремъ познанія освѣтить закоулки его темной читательской души. Этимъ мы сейчасъ и займемся.

Прежде всего каждый читатель глубоко убѣжденъ, что онъ авторитетъ; одинъ — потому, что дослужился до чина полковника, другой — потому, что написалъ книгу о минералогіи, третій — потому, что знаетъ, что тутъ и хитрости никакой нѣтъ: „Нравится — значитъ хорошо, не нравится — значитъ плохо; вѣдь поэзія — языкъ боговъ, ergo, я могу о ней судить совершенно свободно“. Таково общее правило, но въ дальнѣйшемъ своемъ отношеніи читатели раздѣляются на три основные типа: наивный, снобъ и экзальтированный. Наивный ищетъ въ поэзіи пріятныхъ воспоминаній: если онъ любитъ природу — порицаетъ поэтовъ, не говорящихъ о ней, если онъ социалистъ, Донъ-Жуанъ или мистикъ — онъ ищетъ стиховъ по своей специальности. Онъ хочетъ находить въ стихахъ привычные ему образы и мысли, упоминанія о вещахъ, которыя ему нравятся. О своихъ впечатлѣніяхъ онъ говоритъ мало, и обыкновенно ничѣмъ не мотивируетъ своихъ мнѣній.

Въ общемъ довольно добродушный, хотя и подверженъ припадкамъ слѣпой ярости, какъ всякое травоядное. Распространенъ среди критиковъ стараго закала.

Снобъ считаетъ себя просвѣщеннымъ читателемъ: онъ любитъ говорить объ искусствѣ поэта. Обыкновенно онъ знаетъ о существованіи какого-нибудь технического приѣма и слѣдитъ за нимъ при чтеніи стихотворенія. Это отъ него вы услышите, что Х — великій поэтъ, потому, что вводитъ сложные ритмы, У — потому, что создаетъ новыя слова, Z — потому что волнуется путемъ повтореній. Онъ выражаетъ свои мнѣнія пространно и порой интересно, но, учитывая только одинъ, рѣдко два или три приѣма, неизбежно ошибается самымъ плачевнымъ образомъ. Встрѣчается исключительно среди критиковъ новой школы.

Экзальтированный любитъ поэзію и ненавидитъ поэтику. Въ прежнее время онъ встрѣчался и въ другихъ областяхъ человѣческаго духа. Это онъ требовалъ сожженія первыхъ врачей, анатомовъ, дерзающихъ раскрыть тайну Божьяго созданія. Былъ онъ и среди моряковъ освистывавшихъ первый пароходъ, потому что мореплаватель долженъ молиться Дѣвѣ Маріи о дарованіи благопріятнаго вѣтра, а не жечь какія то дрова, чтобы заставить вертѣться какія то колеса. Вытѣсненный отовсюду, онъ сохранился только среди читателей стиховъ. Онъ говоритъ о духѣ, цвѣтѣ и вкусѣ стихотворенія, въ его чудесной силѣ или наоборотъ дрябло-

сти, о холодности или теплотѣ поэта. Встрѣчается рѣдко, вытѣсняемый все больше и больше двумя первыми типами, и то среди самихъ поэтовъ.

Картина безотрадная, неправда ли? И если поэтическое творчество есть оплодотвореніе одного духа другимъ посредствомъ слова, подобное оплодотворенію естественному, то это напоминаетъ любовь ангеловъ къ кайниткамъ, или, что то же самое, — простое скотоложество. Однако, можетъ быть иной читатель, читатель другъ. Этотъ читатель думаетъ только о томъ, о чемъ ему говорить поэтъ, становится какъ бы написавшимъ данное стихотвореніе, напоминаетъ его интонаціями, движеніями. Онъ переживаетъ творческій мигъ во всей его сложности и остротѣ, онъ прекрасно знаетъ, какъ, связаны техникой всѣ достиженія поэта и какъ лишь ея совершенства являются знакомъ, что поэтъ отмѣченъ милостью Божіей. Для него стихотвореніе дорого во всей его матеріальной прелести, какъ для псалмопѣвца слюни его возлюбленной и покрытое волосами лоно. Его не обманешь частичными достиженіями, не подкупишь симпатичнымъ образомъ. Прекрасное стихотвореніе входитъ въ его сознаніе, какъ непреложный фактъ, мѣняетъ его, опредѣляетъ его чувства и поступки. Только при условіи его существованія поэзія выполняетъ свое міровое назначеніе облагораживать людскую породу. Такой читатель есть, я по крайней мѣрѣ видѣлъ одного. И я думаю,

если бы не человеческое упрямство и нерадивость, многие могли бы стать такими.

Если бы я былъ Беллами, я бы написалъ романъ изъ жизни читателя грядущаго. Я бы рассказалъ о читательскихъ направлєніяхъ и ихъ борьбѣ, о читателяхъ-врагахъ, обличающихъ недостаточную божественность поэтовъ, о читателяхъ, подобныхъ д'аннунціевской Джіокондѣ, о читателяхъ подобныхъ Еленѣ Спартанской, для завоеванія которыхъ надо превзойти Гомера. По счастью, я не Беллами и однимъ плохимъ романомъ будетъ меньше.

То чего читатель вправѣ и поэтому долженъ требовать отъ поэта, и составить предметъ этой книги. Но поэтовъ она не научитъ писать стихи, подобно тому, какъ учебникъ астрономіи не научитъ создавать небесныя свѣтила. Однако, и для поэтовъ, она можетъ служить для провѣрки своихъ уже написанныхъ вещей и въ моментъ, предшествующій творчеству, дастъ возможность взвѣсить, достаточно ли насыщено чувство, созрѣлъ образъ и сильно волненіе, или лучше не давать себѣ воли и приберечь силы для лучшаго момента. Писать слѣдуетъ не тогда, когда можно, а когда должно. Слово „можно“ слѣдуетъ выкинуть изъ всѣхъ областей изслѣдованія поэзіи.

Делакруа говорилъ: „Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней въ минуты творчества“. Дѣйствительно, надо или совсѣмъ ничего не знать о техникѣ, или знать ее хорошо. Шестнадцатилѣтній Лер-

монтовъ написалъ „Ангела“ и только черезъ десять лѣтъ могъ написать равное ему стихотвореніе. Но зато „Ангель“ былъ одинъ, а всѣ стихи Лермонтова 40-го и 41-го года прекрасны. Стихотвореніе, какъ Афина-Паллада, явившаяся изъ головы Зевеса, возникая изъ духа поэта, становится особымъ организмомъ. И, какъ всякій живой организмъ, оно имѣетъ свою анатомію и физиологію. Прежде всего мы видимъ сочетаніе словъ, этого мяса стихотворенія. Ихъ свойство и качество составляютъ предметъ стилистики. Затѣмъ мы видимъ что эти сочетанія словъ, дополняя одно другое, ведутъ къ опредѣленному впечатлѣнію и замѣчаемъ костякъ стихотворенія, его композицію. Затѣмъ мы выясняемъ себѣ всю природу образа, то ощущеніе, которое побудило поэта къ творчеству, нервную систему стихотворенія и такимъ образомъ овладѣваемъ эйдологіей. Наконецъ (хотя все это дѣлается одновременно), наше вниманіе привлекаетъ звуковая сторона стиха (ритмъ, рифма, сочетаніе гласныхъ и согласныхъ), которая, подобно крови, переливается въ его жилахъ и мы уясняемъ себѣ его фонетику. Всѣ эти качества присущи каждому стихотворенію самому геніальному и самому диллетантскому, подобно тому, какъ можно анатомировать живого и мертвеца. Но физиологическіе процессы въ организмѣ происходятъ лишь при условіи его нѣкотораго совершенства и, подробно анатомировавъ стихотвореніе, мы можемъ только сказать — есть ли въ немъ все,

что надо и въ достаточной мѣрѣ, чтобы оно
жило.

Законы же его жизни, то-есть взаимодей-
ствіе его частей, надо изучать особо и путь къ
этому еще почти не проложенъ.

Н. Гумилевъ

О ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Фразу „Впередъ по гробамъ“ сочтутъ кощунственной и неумѣстной. Гете имѣлъ право сказать это черезъ шесть часовъ послѣ смерти своего сына, „но то былъ Гете“...

Я, все-таки, думаю, что свѣжая могила поэта священна именно для тѣхъ, кто смѣетъ говорить надъ ней о жизни.

За послѣдніе годы А. Блокъ почти не писалъ стиховъ. Но замѣчательный пѣсенный даръ поэта не изсякъ. Правда, стихи изъ книжки „За гранью прошлыхъ дней“ только старыя стружки. Въ „Сѣдомъ Утрѣ“ есть замѣчательные стихи, но тоже старые. Зато „Двѣнадцать“ написано не такъ давно.

Лирика А. Блока имѣетъ всѣ свойства трагедіи при одномъ постоянномъ дѣйствующемъ лицѣ (самъ поэтъ). Центральная роль принадлежитъ Ей въ различныхъ обликахъ. Въ трагедіи есть рядъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ: черти, смерть, мертвецъ и проч., выдѣляющіеся изъ хора. Завязка дана давно:

„Ты въ поля отошла безъ возврата“. Герой одинъ на „грѣшной землѣ“; онъ борется съ неправдой и зломъ, съ будничной суетой, чтобы имѣть право увидѣть снова „сіяніе ея лица“.

Но борьба непосильна (иначе не было бы трагедіи).

Лейтмотивъ монологовъ, собранныхъ въ „Сѣдомъ Утрѣ“ — „тащиться безъ важнаго дѣла“. Напряженіе борьбы ослабѣло до крайности — если невзначай блеснетъ „въ сумасшедшія ночи расплававшійся уголь души“, то, двумя строчками опережая пожаръ, рифма шепчетъ „потуши“. Предчувствіе развязки — гибели и очищенія — въ стихахъ: „Онъ занесенъ, сей жезлъ желѣзный“.

Въ этомъ драматическомъ свойствѣ лирики А. Блока одна изъ главныхъ причинъ ея „непобѣдимаго очарованія“.

Герой трагедіи всегда вызываетъ трепетное сочувствіе и читатель стиховъ Блока испытываетъ спазмы волненія за личную судьбу поэта. Это переносится на оцѣнку стиховъ.

„О, какъ они небывало волнуютъ“.

Какъ у многихъ большихъ поэтовъ, въ стихахъ у А. Блока есть что-нибудь на любого читателя отъ мистики до цыганскаго романса. Самыя пошленькія фразы въ такой поэзіи — украшеніе, какъ „за придворнымъ столомъ деревянные ложки *a la rousan*“. Но это смѣлое и опасное предпріятіе кончается дурной побѣдой даже для такихъ крупныхъ поэтовъ, какъ Байронъ, какъ Блокъ.

Чувствительныя барышни рыдаютъ не надъ Блоковской поэзіей, а надъ Блокомъ-Апухтинымъ.

Для публики истиннаго лица поэта не существуетъ, для нея существуетъ икона Блока. Но затемняя поэта, эта икона выдаетъ скрытые пороки, таящіеся въ самыхъ истокахъ его лирики. „Непогрѣшимость“ парнасцевъ хотя и создаетъ впечатлѣніе „усѣченности размаха“, замороженности, мраморности и т. д., зато страхуетъ ихъ навсегда отъ подобныхъ иконъ.

Мнѣ кажется, парнассъ и классицизмъ, вотъ живая и мертвая вода современной поэзіи. Подробнѣе объ этомъ считаю болѣе умѣстнымъ говорить въ статьѣ, посвященной поэтической дѣятельности Н. Гумилева. Здѣсь же только добавлю, что темпераментъ Блока, несмотря на классическій уклонъ третьей книги, чисто романтической, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Продолженія Блоковскаго пути въ современной русской поэзіи не можетъ быть, если не придавать значенія жалкому эпигонству. Съ Блокомъ обрывается, вѣроятно на долгое время, расцвѣтъ русскаго романтизма.

Ник. Оцупъ

О Н. ГУМИЛЕВЪ И КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Когда говорятъ о классицизмѣ Вячеслава Иванова, В. Брюсова и другихъ, дѣло идетъ о явномъ недоразумѣніи. Сюжеты изъ античнаго міра ни въ какой степени не опредѣляютъ классической поэзіи. Но таково первое ложное значеніе слова „классицизмъ“.

Въ значеніи лучшихъ образцовъ національнаго генія классиками называютъ Софокла, Расина, Шекспира, Байрона, Пушкина и др.

Не трудно замѣтить, что это благочестивое перечисленіе безспорныхъ геніевъ лишь обывательское пониманіе классицизма.

Классицизмъ требуетъ специфическаго темперамента, и формально равномернаго напряженія всѣхъ сторонъ словеснаго матеріала.

Классическій темпераментъ („La raison raisonnante“, по Ипполиту Тену) противоположенъ романтическому захлестыванію всего существа какимъ нибудь однимъ чувствомъ.

О. Мандельштамъ въ своей туманной и замѣчательной по стилю статьѣ „Слово и культура“

говорить о классицизмѣ. Къ сожалѣнію, въ первомъ и второмъ значеніи этого слова.

Въ то же время Н. Гумилевъ, проповѣдуя акмеизмъ, не сознавалъ что онъ проповѣдуетъ классицизмъ и считалъ О. Мандельштама „открывателемъ классицизма“.

Недоразумѣніе легко объяснимо тѣмъ, что классична не теорія, а поэзія Мандельштама (и классична въ третьемъ, т. е. въ подлинномъ смыслѣ этого слова).

Мнѣ хочется подчеркнуть, что въ современной русской поэзіи только Н. Гумилевъ можетъ быть названъ теоретикомъ классицизма.

Акмеистъ, по Н. Гумилеву, равномерно и наиболее интенсивно напрягаетъ всѣ свои человѣческія способности для міропознанія. Его вниманіе направлено на всѣ явленія жизни во вселенной и распредѣляется между ними равномерно по ихъ удѣльному вѣсу.

Такой художественный темпераментъ нельзя не признать классическимъ.

Еще болѣе интересна формальная сторона теоріи. Меня не интересуетъ насколько она „научна“ или только „научообразна“.

Н. Гумилевъ различалъ четыре части стихотворной техники: фонетику, стилистику, композицію и эйдологию (см. ст. „анатомія стихотворенія“ въ „Цехъ поэтовъ I“). Равномерное вниманіе ко всѣмъ четыремъ отдѣламъ, одинаковое напряженіе всѣхъ сторонъ словеснаго матеріала считалось Н. Гумилевымъ признакомъ акмеизма.

Но каковы признаки классицизма?

„De la musique avant toute chose“ и вообще всякое „avant toute chose“ съ головой выдають неклассиковъ.

Необычайная пѣвучесть за счетъ, скажемъ, образности и живописной ясности, или композиціонный сумбуръ, несмотря на великолѣпіе всѣхъ остальныхъ частей стихотворнаго цѣлаго, не позволяютъ считать классиками не только такихъ неровныхъ геніевъ какъ Байронъ, но и такихъ величайшихъ, какъ Шекспиръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, только тупая бездарность могла пренебрежительно называть Корнеля и Расина псевдоклассиками, когда и формально и по темпераменту они подлинныя классики.

Что касается средневѣковыхъ сюжетовъ трагедій Корнеля, это не обнаруживаетъ ихъ „меньшей классичности“, чѣмъ античныя драмы Расина. Въ смыслѣ игры всѣми блесками слова и композиціонной сдержанности Расинъ просто выше и совершеннѣе Корнеля.

Вся дѣятельность Н. Гумилева какъ теоретика и поэта носить печать классицизма.

Что касается лирики Н. Гумилева, то быть можетъ лирика его ближайшихъ спутниковъ — Ахматовой и Мандельштама — яснѣе обнаруживаетъ признаки классическіе, чѣмъ стихи покойнаго поэта.

„Огненный столпъ“, также какъ и всѣ предыдущія книги Гумилева, образецъ увѣреннаго мастерства поэта, близкаго къ французскимъ парнасцамъ.

Но по моему и парнассь (Эредіа, Леконтъ-де-Лиль) это спресованный классицизмъ.

Если мы дѣйствительно въ современной поэзіи переживаемъ классическую эпоху, то все, даже безспорное и подлинное за время акмеизма и раньше, еще только палецъ на ногѣ великана. Даже замѣчательная поэзія Иннокентія Анненскаго, почти не можетъ идти въ счетъ когда дѣло идетъ о драмѣ.

О переводческой дѣятельности поэта здѣсь рѣчи нѣтъ.

Между тѣмъ о расцвѣтѣ классицизма можно говорить только имѣя драму въ стихахъ, въ частности трагедію.

Лично мнѣ кажется, что несмотря на футуризмъ, мы находимся въ стадіи развитія классицизма, чему больше другихъ послужилъ Н. Гумилевъ.

Мнѣ думается, что нашъ театръ уже сейчасъ долженъ ставить Корнелевскаго „Сида“ и нужно привѣтствовать постановку „Гондлы“, къ сожалѣнію снятаго съ репертуара.

Ник. Оцупъ

О Г Л А В Л Е Н И Е

С Т И Х И

	Стр.
Г. АДАМОВИЧЪ	
„Гдѣ ты теперь“	7
„За миллионы долгихъ лѣтъ“	8
„По широкимъ мостамъ“	9
Н. ГУМИЛЕВЪ	
Перстень	11
Дѣва-Птица	13
„На далекой звѣздѣ Венерѣ“	16
„Я самъ надъ собой насмѣялся“	18
„Мнѣ странно сочетанье словъ“	20
Звѣздный ужасъ	21
М. ЗЕНКЕВИЧЪ	
Смерть авіатора	29
Г. ИВАНОВЪ	
„Не о любви прошу“	31
„Кровь бѣжитъ по томнымъ жиламъ“	32
„Ты желанна! Ты желанень!“	33
„Въ меланхолическіе вечера“	34
„Легкій мѣсяцъ блеснетъ“	35
„Дитя гармоніи, Александрійскій стихъ“	37
„Вновь съ тобою рядомъ лежа“	38
„Оттого и томить меня шорохъ травы“	39
Л. ЛИПАВСКІЙ	
„Солнце запало въ чужія страны“	40
„Слушай тягу, да!“	41
М. ЛОЗИНСКІЙ	
„Еще свѣтло, но день ужъ обреченъ“	43
„Такъ много милаго, и сердцу не снести“	44
Послѣдняя вечеря	45

	Стр.
О. МАНДЕЛЬШТАМЪ	
„За то, что я руки твои“	47
„Чуть мерцаетъ призрачная сцена“ . .	49
„Золотистаго меду струя“	51
С. НЕЛЬДИХЕНЪ	
Изъ поэмы эпопеи „Праздникъ“	
„За лѣтніе мѣсяцы“	53
„Лѣтними вечерами“	56
И. ОДОЕВЦЕВА	
„Мы прочли о смерти его“	59
Поэтъ	60
Баллада объ извозчикѣ	62
Н. ОЦУПЪ	
Война	65
„Въ голубомъ прозрачномъ крематоріи“	67
„Я приснился себѣ медвѣдемъ“	70
„Дождю не разбудить усталаго солдата“	72
„Я много проигралъ“	73
В. ПЯСТЪ	
Нѣчто астральное	75
В. ПОЗНЕРЪ	
Баллада о дезертирѣ	76
С Т А Т Ь И	
Г. АДАМОВИЧЪ	
Смерть Блока	83
Два слова о рифмѣ	88
Памяти Анненскаго	92
Н. ГУМИЛЕВЪ	
Читатель	98
Н. ОЦУПЪ	
О поэзіи Александра Блока	108
О Н. Гумилевѣ и классической поэзіи	111